

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОШЛОЕ

Глава первая

Кристиан

Нью-Йорк
Сентябрь 2015

Расскажите один факт о себе. Тиканье часов заполняло пространство между нами. Теплые цвета, удобные кресла — эта комната должна была быть уютной, но атмосфере в ней об этом сказать забыли; воздух был затхлым и душным, словно каждая произнесенная ложь оставалась в этом помещении навсегда.

Я прищурился, мысленно возвращаясь к тому, как подмигнул мне вчера Кайл Шитс. Он тоже через все это недавно прошел, хоть и по другому обвинению, и каким-то образом выболтал себе прощение за анимешную порнуху на офисном компьютере. Хоть я и был воплощением лжи, от перспективы оказаться в одной категории с тем подонком меня перекашивало. Да он же кроссовки с костюмом носит, черт возьми!

Потерев подбородок ладонью, я честно признался:

— Я увлекающаяся натура.

Доктор Саша Тейлор не сдержала мелькнувшее в глазах удивление и, чтобы скрыть эту инстинктивную реакцию, опустила взгляд на папку с делом. На ее костюме не было ни единой складки. Она закончила Йельский университет и происходила из богатой семьи. Тридцатиоднолетняя и светловолосая, она была олицетворением того, что я искал в женщинах: ум, красота, стиль.

— И чем увлекаетесь? Алкоголь? — спросила она.

Я покачал головой.

— Наркотики?

«Жить было бы проще».

— Женщины?

«Женщина».

Я снова покачал головой, но на этот раз с улыбкой.

Она перевела взгляд на мои губы, сглотнула и отвела глаза.

— Мы еще вернемся к этому вопросу. — Она сделала паузу. — Вы знаете, почему находитесь здесь?

Я ответил ей пустым взглядом.

Она вздрогнула.

— Ну конечно же знаете. Связан ли... тот слу-чай... с вашим увлечением?

Я сконцентрировался на ее ярко-красных туфлях, возненавидев себя за то, что моей слабостью не было что-нибудь помельче, вроде аниме-порно. Не задумываясь обменял бы на это свою *проблему*.

«Ты публично прокололся, Аллистер. Следуй протоколу, больше я ничего сделать не могу».

Эти слова подвели меня под монастырь.

Я не был хорошим человеком, а мои работодатели были и того и хуже. Тем не менее я очень рано понял, что мир не делится на черное и белое. Иногда люди перемазываются в черном так сильно,

что уже не могут вернуться на свет, а иногда тьма оказывается для них *подходящей*. Хотя я и не от-носил себя к последним, я не собирался рисковать всем, чего достиг. Я слишком упорно добивался своей цели, чтобы потерять все из-за женщины. И уж тем более из-за женщины, которая одевается, как плод любви Бритни Спирс и Курта Кобейна.

— Нет, — соврал я.

Если бы я был с ней честен, то меня бы упекли в психушку, но, что еще вероятнее, — Бюро бы заставило Сашу Тейлор исчезнуть навсегда.

— Некоторые считают, что дело в женщине, — осторожно предположила она.

Я вскинул бровь.

— Вы одна из этих *некоторых*, Саша?

— Нет.

— Почему?

— Вы выглядите слишком... рассудительным, чтобы так вести себя из-за женщины.

«Холодным». Вот что она на самом деле хотела сказать.

И она была права — по крайней мере, могла бы быть, — но в той раздражающей ситуации, из-за которой я здесь оказался, не было ничего обычного. Холод всегда был мне близок, в самом буквальном смысле этого слова, но теперь мне до него было как до Багдада. Внутри моей груди пылал огонь, и его языки дотягивались до останков души.

Саша поерзала и закинула ногу на ногу.

— Возвращаясь к вопросу о вашем увлечении... Вы часто позволяете себе получить желаемое?

От одной только мысли о том, что я бы мог вкусить желаемую сладость, сердце забилось быстрее, а мне стало жарко и беспокойно. Я ненавидел ту женщину за то, что она на долгие годы превратила мою жизнь в ад, но отрицать было бесполезно — я хотел ее коснуться, хотел трахнуть ее

так, чтобы она забыла всех других мужчин в своей жизни, чтобы она стала хотя бы вполовину так же одержима мной, как я был ею, чтобы она больше никогда в жизни не забыла мое имя.

Я провел языком по зубам и затолкал эти чувства как можно глубже, но это совершенно не могло расслабиться.

— Никогда.

— Почему?

Я встретился с ней глазами.

— Потому что тогда оно победит.

— А вы не любите проигрывать? — Она закончила предложение с выдохом.

Казалось, я почти мог слышать отчаянный стук ее сердца, пока мы смотрели друг на друга в душной тишине.

Она заправила за ухо прядь волос и перевела взгляд на свои бумаги, пробормотав:

— Да, не любите.

Тиканье часов грубо вторглось в наш разговор, напоминая грозящую взорваться бомбу. Саша бросила на них взгляд и сказала:

— Последний вопрос, прежде чем наша встреча подойдет к концу. Как вы справляетесь со своим «увлечением»?

«Легко».

— С помощью порядка.

— Вы предпочитаете порядок? — переспросила она. — В каких областях?

— Во всех.

Она покраснела и прочистила горло.

— А что вы делаете, когда в вашу жизнь врывается беспорядок?

Перед моими глазами мелькнули густые волосы — иногда каштановые, иногда светлые, — гладкая оливковая кожа, босые ноги и все остальное, что было для меня запретно.

Огонь в моей груди разгорелся еще жарче, стало тяжело дышать. Обычно боль действовала на меня как наркотик, но когда речь шла о Джинанне Руссо — простите, *Марино*, — боль становилась похмельем. Тошнотворным. Отвратительно горьким.

Я ответил сквозь стиснутые зубы:

— Тогда я его упорядочиваю. — Поднявшись на ноги, я застегнул пиджак и направился к двери.

— Но что, если случай запущенный? — надавила она, вскакивая на ноги и сжимая мое дело в руках.

Я остановился, держась одной рукой за дверную ручку, и бросил взгляд на запястье, где под манжетой рубашки скрывалась резинка для волос.

Внутренний голос призывал ответить язвительно.

— Вот тогда, Саша, я становлюсь *одержим*.

Глава вторая

Джуанна

21 год
Декабрь 2012

Я нашла свое счастье в свернутой долларовой купюре и белом порошке. Иногда они приносили мне эйфорию — такую эйфорию, от которой бурлит кровь в венах, сердце колотится быстрее и весь мир падает к твоим ногам. Как после секса, только без чувства пустоты.

А иногда они были лишь инструментом. Одна дорожка — и все неурядицы, каждый синяк, стирались из памяти. Всего одна дорожка — и я становилась свободной.

Порой это заканчивалось резким порывом воздуха и скрипом захлопывающейся передо мной металлической двери.

Эхо рикошетом отскочило от стен и ударило по барабанным перепонкам как пинбольный шарик. Я сглотнула, услышав, как закрылся засов.

Шагнув вперед, я схватилась за железные прутья.

— Мне же положен один звонок, правда?

Полицейская, латиноамериканка лет двадцати с чем-то, положила руки на пояс и, нахмутив темные брови, окинула меня взглядом.

— Сегодня не твой день, принцесса. Если мне придется смотреть на это отвратительное

платье, — она кивнула на мое красное, восхитительно кружевное платье от «МакКвин», — еще хоть минуту, у меня голова будет раскаливаться до конца смены.

Я попыталась прикусить язык, но не успела.

— Можешь сколько угодно винить в этом мое платье, но мы обе знаем, что башка у тебя будет трещать из-за старческого пучка на твоей макушке, *cogliona*.

Прищурившись, она шагнула в мою сторону.

— Как ты меня назвала?

— Воу, — вмешалась другая полицейская, положив руку на плечо коллеги. — Мартинез, пойдём.

Латина враждебно посмотрела на меня, а потом удалилась вместе с напарницей.

Я развернулась, уже готовая начать метаться от стенки к стенке, но обнаружила, что в камере не одна. Рыжая проститутка, давно уже не в расцвете сил, сидела в углу и наблюдала за мной сквозь слипшиеся от туши ресницы. Ее тональник был на несколько тонов темнее бледной кожи, а сетчатые колготки в дырках.

— Они не забрали твою обувь.

Я взглянула на свои красные туфли от «Джимми Чу».

— Красивые, — сказала она, отколупывая лак с ногтей.

Посмотрев на ее голые ноги, я вздохнула и села на лавку рядом с ней.

Они не забрали мою обувь, потому что мне не грозило остаться в камере надолго. Вне всяких сомнений, уже через несколько минут за мной должна была прийти какая-нибудь важная шишка в костюме не по размеру, чтобы отвести меня куда-нибудь, где есть диван и кофе — чтобы там, в комфорте, я разговорилась и вывалила им все секреты «Коза Ностра».

«Позорище».

«Ничтожество».

«Как тебя любить такую?»

Я пожевала нижнюю губу, чувствуя, как в груди зарождается тревога.

— Сколько стоили? — спросила моя соседка, и в тот же момент в конце коридора хлопнула дверь. От эха этого звука волоски на моих руках встали дыбом.

Я слышала его раньше, чем увидела.

И сразу поняла, что за мной прислали федерала.

Профессиональный и безразличный голос с неуловимой ноткой в каждом слове, острый и жесткий, словно тайный грех, который держат запертым глубоко в душе.

Его следующее слово — *Джианна* — скользнуло по моей шее словно прикосновение стальных крыльев к чувствительной коже. Я стерла это ощущение рукой, перекинув волосы через плечо.

— Думаю, неприлично много, — наконец ответила я, звуча так, словно забыла, как дышать.

Проститутка кивнула, как будто ей что-то стало понятнее.

Она была очень красива — несмотря на макияж, помутневшие от злоупотребления наркотиками глаза и годы обслуживания, конечно же, самых лучших мужчин Нью-Йорка.

Родственная душа, иначе и не назвать.

Голос федерала снова донесся до моих ушей, на этот раз ближе; он разговаривал с Мартинез. Шум в других камерах мешал, но я слышала, как смягчился ее голос, как дали о себе знать латинские корни в ее произношении.

Я закатила глаза. Служебный роман.

«Как это мило».

Впрочем, непохоже, что он купился. Я кожей чувствовала его незаинтересованность, слышала холод в его голосе.

Меня пробрала дрожь.

Господи Боже, он всего лишь *федерал*. Меня с рождения окружали мафиози.

Я откинулась назад с безразличием, от которого на самом деле была далека, и накрутила на палец прядь темных волос.

Помещение стало меньше, стены вокруг меня начали смыкаться, как и много раз до этого.

Я медленно вдохнула. Выдохнула.

Повернула голову и выглянула.

Мартинез стояла в коридоре и смотрела в спину направлявшегося ко мне федерала с чистейшим и безответным обожанием во взгляде.

Наверное, все мы в каком-то смысле родственные души.

Металлические прутья разделяли его силуэт, пока он шел мимо других камер, не достаивая их взглядом. Непринужденная походка, расправленные плечи, расслабленные руки — все его естество излучало уверенность в себе и сулило сплошное разрушение, словно кирпичи, цемент и женские сердца превращались в пепел по одной его прихоти.

Он поднял глаза и поймал мой взгляд своим, тяжелым и бесстрастным, словно смотрел сквозь меня.

Мое сердце заледенело в груди.

Мы смотрели друг на друга всего секунду, но момент растянулся как в замедленной съемке и выбил весь воздух из моих легких. Я скрестила ноги, обнажив бедра. Чувство безопасности окутало меня теплым одеялом. Пока мужчины смотрят на мое тело, они никогда не увидят то, что кроется в моем взгляде.

И все равно, дойдя до моей камеры, первым делом он заглянул мне в глаза. Бессердечные. Наглые. *Синие*. Его взгляд обжигал, как если бы я стояла в жаркий летний день перед открытой дверцей холодильника, когда холодный воздух сталкивается с горячим и становится облачками пара.

Он стоял перед запертой дверью, и я кожей чувствовала исходящую от него опасность даже с расстояния нескольких метров. Не оставалось никаких сомнений, что на самом деле дверь заперла его, а не меня.

Тусклый коридорный свет мерцал над его головой.

Темные волосы, явно рукой мастера, были коротко сбиты на висках, с плавным переходом на макушку. Широкие плечи, четкие черные линии, костюм, идеально подогаанный под его спортивное тело. Контроль. Точность. Все в его внешности кричало об опасности, как яркие полосы на ядовитой змее.

Но примечательнее всего было его лицо. Симметричное, с безупречными пропорциями. Даже холодное, каменное выражение его не портило. На второй взгляд обнаруживалось тело, из тех, от одного вида которого женщины стонут, а на третий — в каждом его движении прослеживался интеллект, словно все вокруг были шахматными фигурами, а он размышлял, как нами лучше сыграть.

Дверь камеры открылась, мое сердце подскочило, и я переключила внимание на бетонную стену перед собой.

— Руссо.

«Ну уж нет».

«Ни за что».

Если я пойду с ним, меня продадут в рабство и больше никто никогда меня не увидит. Федерал или нет, но судя по глазам и общему впечатлению, этот мужчина видел и делал такие вещи, которые нормальному мафиози и не снились.

Я молчала.

Я твердо собиралась сидеть здесь и ждать другого федерала — того, что в костюме не по размеру.

Он бросил взгляд на проститутку.

— Меня зовут Черри, — сказала она с улыбкой, — но ты можешь звать меня как угодно.

У некоторых женщин напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

Он потер пальцем часы на запястье, один раз, два, три.

— Я учту, — последовал краткий ответ.

Моя кожа вспыхнула, когда он переключил внимание на меня. Его глаза скользнули по моему телу, оставляя за собой дорожку изо льда и пламени, а затем неодобрительно сузились. И в этот момент все то опасение, что он вызывал, глядя на меня, как на человека, а не как на тело, испарилось, и он превратился в обычного мужчину.

Который меня осуждал, чего-то от меня хотел...

— Вставай.

...и говорил мне, что делать.

Раздражение лениво и осторожно загоралось в моей груди.

Я собиралась подождать три секунды, прежде чем подчиниться, но через две внезапно и очень четко поняла, что до третьей не доживу.

Подчинившись, я поднялась на ноги и остановилась перед открытой дверью. Теперь я стояла в его тени, и даже она казалась ледяной.

Я ненавидела высоких мужчин, то, как они всегда смотрели на меня сверху вниз и нависали, как туча, закрывающая солнце. Крупные мужчины

заправляли всем с незапамятных времен — в тот момент, взявшись за металлические прутья и посмотрев в синие глаза, я ни в чем в жизни не была так уверена.

В ответ на меня смотрело чистое нетерпение.

— Не знаешь, как тебя зовут, или забыла? — его плавный и низкий голос огнем прошелся по моему позвоночнику.

Я дернула плечом и, словно это что-то объясняло, ответила:

— На тебе костюм нормально сидит.

— Чего не могу сказать о тебе, — протянул он.

«*Вот же хамло*».

Я прищурилась.

— Это платье от «*МакКвин*», и сидит оно на мне идеально.

Судя по его лицу, ему было бы плевать, даже если бы ему заплатили за интерес. Он открыл дверь, и мою кожу обдало холодным порывом воздуха.

— Пошла, — приказал он.

То, как он это сказал, действовало мне на нервы, но я уже назвалась груздем, пора было лезть в кузов. С колотящимся в ушах сердцем я вышла из камеры, нырнула под его руку и направилась по коридору.

Со всех сторон раздался свист.

Может, моя кожа и была мягкой, но за двадцать один год жизни под ней сформировалась броня. Слова, насмешки и свист отскакивали от меня и исчезали в небытии — там, где умирают синяки.

В кровь хлынул адреналин. Резкий свет. Затхлый воздух. Скрип ботинок полицейских.

Дойдя до развилки в конце коридора, я была так увлечена мыслями о своем положении и мужчине позади меня, что, когда он велел повернуть направо, повернула налево.

— Другое право. — От меня не укрылась раздраженная нотка в его голосе, будто я была растяпой, попусту тратящей его время.

Я возмущенно вспыхнула, и слова сами сорвались с моих губ, как это частенько случалось:

— Было бы неплохо заранее знать, куда я иду, *stronzo*.

— Не думал, что тебе нужно столько времени, чтобы осознать простое указание, — откликнулся он и сменил тон на мрачный: — Назовешь меня мудаком еще раз, Руссо, и я гарантирую, последствия тебе не понравятся.

Его слова стегнули меня по спине, и вот уже я ненавидела этого мужчину за то, что он знал итальянский.

Выйдя в вестибюль, я увидела входные двери. Я страстно желала оказаться по ту сторону, но, честно говоря, была готова остаться и здесь, лишь бы никуда не идти с этим человеком.

Федерал в плохо сидящем костюме, которого я ожидала, должен был попытаться аккуратно выспросить у меня секреты «*Коза Ностра*». В худшем случае это бы включало ладонь, оказавшуюся слишком высоко на моем бедре, но он бы никогда не стал бить женщину. Я сглотнула, наблюдая за мужчиной, что в итоге достался мне, пока он отошел к стойке регистрации. Большой и неприступный. Холодный и, вероятно, абсолютно невосприимчивый к женским чарам.

К каким тактикам он прибегает при допросе? Пытки водой? *Электрический ток*? Это вообще кто-то до сих пор применяет?

Живот свело от страха.

Один полицейский значок, второй, третий — они сливались в золотые и серебряные вспышки перед моими глазами, и меня начинало мутить.

Я прошла дальше в комнату и встала рядом с федералом.

— А почему я не в наручниках? — спросила я, наблюдая, как двое полицейских выводят из дверей скованного заключенного.

Он три раза постучал пальцем по столешнице — тук, тук, *тук* — и с удивлением покосился на меня.

— А тебе хочется? — спросил он с явным пошлым намеком, и я убедилась в двух вещах: он и правда был мудаком и уже приковывал женщину к постели.

От неожиданного ответа мое сердце забилося сильнее, и, чтобы это скрыть, я изобразила скуку.

— Спасибо за предложение, но я замужем.

— Я так и понял по булжнику на твоём пальце.

Я перевела взгляд на свое кольцо и, по какой-то глупой причине, искренне возмутилась тому, насколько этому человеку было плевать, что его пленницу ничто не сковывает. А вдруг я была серьезной угрозой для него и окружающих?

— Я ведь и убежать могу, знаешь, — сказала я, совершенно не намереваясь этого делать.

— Попробуй.

Это было одновременно и вызовом, и угрозой.

По позвоночнику пробежал холод.

— И что, будешь собой доволен, когда поймешь девчонку в два раза меньше себя?

— Да.

И ни капли сомнения в голосе.

— В этом-то ваша проблема, федералы. Любите злоупотреблять своим авторитарным положением.

— Служебным, — поправил он.

— Что?

— Обычно говорят «пользоваться *служебным* положением».

Я скрестила руки на груди и, прищурившись, оглядела вестибюль. Могу поклясться, что каждая женщина в помещении притормаживала, чтобы получше рассмотреть моего спутника. Полицейская среднего возраста, годившаяся ему в матери, бесстыже пялилась, подталкивая к нему планшет с другого конца стойки.

Он подписал бумаги и протянул их обратно полицейской, которая даже не мигала. Бьюсь об заклад, женщины ежедневно раздували его невероятное эго.

Кто-то положил на стойку мою шубу из искусственного меха и сумочку. Мою грудь тут же сдавило волной тревоги.

«Да не может быть, чтобы током».

— Надевай шубу, — приказал он.

Я замерла и стиснула зубы, потому что уже *буквально* была одной рукой в рукаве, когда он это сказал.

Он взял мою сумочку, расшитую пайетками, и посмотрел на искусственные павлиньи перья так, словно они могли быть переносчиками малярии. Между прочим, я сделала эту сумочку сама, и она была прекрасна. Вырвав ее из его рук и повесив на плечо, я направилась к дверям.

Затем резко остановилась и направилась обратно к стойке, на ходу снимая туфли.

— Можете проследить, чтобы моя соседка по камере — ее зовут Черри — их получила?

Полицейская посмотрела на меня пустыми глазами.

Я ответила ей тем же.

Она наклонилась через стойку, чтобы посмотреть на мои босые ноги с белым лаком на ногтях, и выпрямилась, шурша накрахмаленной униформой.

— На улице уже час идет снег.